

Глава 6

Перед глазами рябило от бесчисленных копошащихся телец. Их было так много, что зрелище внушало безотчётный, почти первобытный ужас: плотным живым ковром кузнечики устилали землю, расползаясь во все стороны. Казалось, они нескончаемым потоком выбирались напрямик из тени Хуанцзая, который стоял неподвижно, мертвой хваткой вцепившись в свою тыкву-горлянку.

Мальчик улыбался — и в этой улыбке было нечто глубоко искаженное, пугающее. Заметив, что Шэнь Янь открыл дверь, он звонко выкрикнул:

— Шэнь Янь, выходи играть! Посмотри, какие они у меня милые!

Шэнь Янь лишился дара речи.

Одно насекомое ещё можно было бы назвать «милым», но эту копошащуюся массу, напоминающую бурлящее месиво из семян горчицы, с милovidностью не связывало ровным счетом ничего.

Юноше потребовалось немало времени, чтобы прийти в себя и унять дрожь. Расспросив окружающих, он узнал, что Чжао Ко ещё на рассвете увел основную часть людей на рынок — продавать ткани, а остальные отправились на угольные копи. Уголь здесь ценили: именно на нём вчера готовили праздничный ужин.

Умывшись ледяной водой из кадушки, Шэнь Янь приступил к заданию, которое командир оставил ему на сегодня. В их отряде не было места праздности — дело находилось для каждого.

Сунув за пазуху черствую пшеничную лепешку и зажав в руке половинку нефритового амулета династии Южная Сун — того самого, что позволял призвать призрачного лучника Лю Си, — Шэнь Янь вывел детей со склада. Глядя на лепешку, он невольно вздохнул: вчера Тётушка Дун пустила всю муку на выпечку, так что о лапше сегодня можно было и не мечтать.

Его сегодняшней обязанностью стал «выгул» младшего поколения. Заодно Шэнь Янь рассчитывал получше изучить город.

Способ выгула оказался весьма специфичным: семерых сорванцов связали одной длинной веревкой, конец которой Шэнь Янь крепко намотал на кулак. Поначалу это казалось ему верхом странности, но стоило им выйти на улицу, как он увидел десятки таких «связок». Порой на одной веревке тянулось больше сотни детей — верный признак крупного и богатого отряда наёмников.

«Интересно, — подумал Шэнь Янь, — неужели Чжао Ко в детстве так же ходил на привязи?» Картина вырисовывалась комичная.

Среди этих живых караванов попадались и настоящие диковины. К примеру, одна группа состояла из существ с человеческими головами, но на телах огромных муравьев в половину человеческого роста.

Хуанцзай, заметив, что Шэнь Янь смотрит на них не отрываясь, пояснил:

— Это из «Людей-муравьев».

«Значит, полулюди...» — отметил про себя юноша. Население Города Наёмников оказалось куда более пестрым, чем он предполагал.

— Они страсть какие бедные, — добавил Хуанцзай. — У них даже на обувь денег нет.

Шэнь Янь мысленно согласился: обувь столько ног — задача разорительная. Впрочем, выглядели муравьиные дети довольно забавно, особенно с их аккуратно подстриженными чёлками.

Вчера они вошли в город в сумерках, когда всё тонуло в сизой дымке, но сейчас это пристанище в пустошах предстало перед ним во всей своей суровой наготе. Осколки солнечного света падали на бетонные остовы зданий. Повсюду громоздились заброшенные склады, похожие на хаотично разбросанные кубы — точь-в-точь как их жилище.

Дороги, изрытые глубокими рытвинами, содрогались под колесами дряхлых грузовиков, изрыгающих клубы густого черного дыма. Весь пейзаж был выдержан в унылых серых тонах. Воздух вблизи мастерских пропитался тяжелым запахом машинного масла и копоти.

На улицах кипела жизнь. Наёмники всех мастей одаривали прохожих тяжелыми, колючими взглядами. По обеим сторонам дорог теснились лавки, и шум стоял невообразимый.

Торговали в основном зерном: пшеницей, рисом, соей. Шэнь Яня удивило, что всё зерно продавалось уже обработанным — мука, обрушенный рис, дробленая фасоль. Позже он узнал: это не ради удобства покупателей, а чтобы семена не попали в чужие руки. Земледелие находилось под жестким контролем нескольких крупнейших корпораций наёмников. Монополия на ресурсы была священна, и семена охранялись пуще жизни.

В условиях тотального дефицита контроль над жизненно важными товарами был фундаментом власти. Самые могущественные отряды Города Наёмников имели свои уникальные, символические производства.

Торговали и мясом, в основном свининой — животноводство тоже было в руках избранных. Попадалась и дичь: судя по разделанным тушам, лесные звери достигали исполинских размеров. Шэнь Янь не мог опознать виды; вероятно, это были продукты причудливой мутации и скрещивания.

Рядом продавали кожи и ткани. То и дело попадались кузни — из их недр веяло жаром, а в горнах бурлил расплавленный металл. Наёмники толпились у наковален, присматривая свежавыкованное оружие: кинжалы, мечи, тяжелые молоты.

У каждой лавки дежурили охранники с угрюмыми лицами. Их взоры недвусмысленно обещали: любого, кто посмеет учинить беспорядок, изрешетят на месте. В Городе Наёмников существовал свой порядок, но кражи и грабежи всё равно были обычным делом. За нехваткой ресурсов неизбежно следовал порок, усмирить который могла только грубая сила.

Шэнь Янь лишний раз убедился в мудрости своего решения примкнуть к «Тиграм и Леопардам». В одиночку он бы не выжил: мало раздобыть припасы, их нужно ещё и защитить.

Он с жадным интересом оглядывался по сторонам. Неизвестность, опасность и новизна будоражили чувства, заставляя кровь быстрее бежать по жилам.

Помимо еды и железа, на каждом шагу предлагали «священные артефакты». Рынок древностей — пестрый, шумный и в основе своей фальшивый — по своим масштабам превосходил даже знаменитый антикварный рынок Панцзяюань.

— Индустрия подделок процветает, — констатировал Шэнь Янь.

Здесь царили те же негласные законы: купил — значит, твое; претензии по качеству не принимаются, а ответственность за подлинность несет только твой глаз и опыт. Если посчастливится найти настоящий артефакт — ты богач, если ошибешься — пеняй на себя. Шэнь Янь уже успел услышать несколько легенд о счастливицах, в одночасье обретших состояние, что лишь подогревало азарт толпы.

Пока он вел детей через торговые ряды, в его затылок прилетел мелкий камешек.

Обернувшись, Шэнь Янь увидел грузовик. На крыше кабины, широко расставив ноги, восседал Чжао Ко. С видом заправского солдафона он подбрасывал на ладони гальку; рядом с ним, словно живые изваяния, замерли тигр и леопард. Хищники взирали на толпу сверху вниз, готовые в любой миг обрушиться на того, кто посягнет на разложенные рядом тюки с тканью.

— Как тебя сюда занесло? — окликнул его Чжао Ко. Подумав, он махнул рукой: — А ну, поднимайся сюда.

Жара стояла немилосердная, и Шэнь Янь, успевший изрядно взмокнуть, с радостью принял приглашение передохнуть. Дети же, не теряя времени, принялись помогать с продажей тканей; их звонкие голоса, зазывающие покупателей, разносились по всей округе.

Шэнь Янь забрался в кабину через верхний люк. Чжао Ко уже ждал его внутри. Его мощное, тренированное тело, не скрытое лишней одеждой, излучало дикую, почти звериную энергию.

Командир окинул юношу оценивающим взглядом. Вчера, при тусклом свете ламп, Шэнь Янь казался обычным замарашкой, но теперь, когда дорожная пыль была смыта, в нем проступила странная, хрупкая одухотворенность.

— Прогадал я, — буркнул Чжао Ко себе под нос. — Такой слуга пропадает.

Затем он вдруг посерьезнел, подозрительно огляделся по сторонам и плотно задраил окна.

Шэнь Янь замер в ожидании.

— Смотри, — вполголоса произнес Чжао Ко, — сейчас я покажу тебе свои сокровища.

Он извлек из тайника несколько шкатулок разного размера — тех самых, которые он каждое утро протирал до блеска и с которыми не расставался ни на минуту.

— Расскажи, — потребовал он, — есть ли у них своя история?

Шэнь Янь едва сдержал улыбку. Закрывать окна и напускать столько таинственности ради обычных побрякушек — это было в духе командира.

— Это машинное производство, — прямо сказал юноша. — Вещи, сошедшие с конвейера по одному лекалу. Какая у них может быть история?

Даже самая искусная имитация лишена души. В ней нет следа бессонных ночей мастера, нет его пота и крови, вложенных в труд.

Чжао Ко пристально посмотрел на Шэнь Яня, словно пытаясь уличить его во лжи.

— Ты уверен?

Ему не хотелось в это верить. Ведь вчера Шэнь Янь сумел выстроить целую легенду вокруг невзрачной тыквы Хуанцзая. И после того рассказа мальчик тем же вечером совершил ритуал «Лицом к Пучине», направив свой голос в Пучину Снов. Чжао Ко же потратил на свои «священные артефакты» уйму сил и целое состояние.

Он надеялся, что история Шэнь Яня послужит ключом к пробуждению этих предметов, но юноша вынес беспощадный приговор.

Шэнь Янь, чувствуя на себе тяжелый взгляд, указал на шкатулки:

— Ты хоть знаешь, что такое «Девять великих государственных реликвий»?

Чжао Ко нахмурился. О чем он говорит?

Шэнь Янь протянул руку и открыл первую коробку.

— Номер один: Великое нефритовое море Душань.

Затем вторую:

— Фарфоровая подушка в виде младенца из печей Дин.

И, наконец, третью:

— Драгоценный стяг с жемчужной шарирой династии Северная Сун.

Надо признать, у Чжао Ко был своеобразный вкус — собрать макеты трех из девяти величайших сокровищ истории. Вот только это были именно макеты.

— Всё это — фальшивки, — отрезал Шэнь Янь.

Если бы кто-то действительно владел оригиналами всех трех этих вещей одновременно, Шэнь Янь бы самолично пал перед таким человеком на колени. Но это было за гранью возможного.

— Что? — переспросил Чжао Ко.

«Девять государственных реликвий»... Само название заставило его сердце биться чаще. Он с надеждой уставился на свои сокровища:

— А вдруг... вдруг они настоящие?

«Ну и фантазер», — подумал Шэнь Янь. Сомневаться в его профессиональном чутье было бессмысленно: эти вещи были слишком «новыми», да и размеры не совпадали — обычные уменьшенные копии.

— Исключено, — покачал головой юноша.

Чжао Ко помрачнел. Если слова Шэнь Яня — правда, то из богатого коллекционера он в одночасье превращался в простофилю, обманутого торговцами.

— Неужели это всего лишь псевдо-священные артефакты? — пробормотал он.

Теперь понятно, почему за столько лет ни один из этих предметов не откликнулся на ритуал.

Шэнь Янь отметил для себя новый термин: «псевдо-священный артефакт». Похоже, так здесь называли любые подделки и новоделы, лишённые исторической глубины и частицы души создателя.

Чжао Ко надолго задумался, глядя в пустоту.

— А остальные? — наконец спросил он. — Что это за оставшиеся «государственные реликвии»?

Пусть фальшивки, пусть ложь — но слушать истории Шэнь Яня было истинным наслаждением. Юноша обладал редким даром заставлять сердца слушателей трепетать.

Шэнь Янь едва заметно улыбнулся. В конце концов, взрослые любят сказки ничуть не меньше детей.

<http://bllate.org/book/13411/1301676>